

Юрий Алексеевич Гагарин Вижу Землю...

«Юрий Гагарин. Вижу землю...»: Детская литература; Москва; 1976

Аннотация

Документальный рассказ летчика-космонавта Героя Советского Союза Ю.А.Гагарина о подготовке и проведении первого в мире полета космического корабля с человеком на борту.

Tarap

НАШ ГАГАРИН

В этой книге помещен рассказ Юрия Гагарина «Виджу Землю...». Рассказ написан давно, вскоре же после полета — первого в истории Земли полета человека в космос. Гагарин рассказал о своей жизни, о том, как стал космонавтом, как совершил полет. Рассказал просто, скромно, так, как все это он делал, как жил. Сейчас рассказ кажется слишком кратким, и мы стараемся его дополнить, расширить.

Имя Юрия Гагарина теперь известно всем — и детям и взрослым. С полета Юрия Гагарина в космос началась новая глава истории нашей планеты — эра завоеваний человеком околосолнечного пространства.

Рассказывать о Гагарине легко и трудно. Обыкновенный, располагающий, улыбчивый человек. Это так. Но Юра не просто веселый, не просто мужественный, не просто волевой. В нем была скрыта огромная энергия деятельного, очень способного и разносторонне одаренного человека.

Когда я думаю о Гагарине, я вспоминаю не первые дни нашего знакомства при наборе кандидатов в школу космонавтов и не дни совместных тренировок при подготовке к первому полету «Востока». Я вспоминаю день, когда мы приехали вместе с ним на стартовую площадку космодрома. Прошли годы, а мысли и чувства так же свежи в памяти, как будто все было только вчера.

Уже прошли минуты подготовки к старту, и стрелка часов стала наконец приближаться к решающей цифре. Неотвратимо наступало последнее мгновение. Ждать становилось с каждой секундой все тревожнее.

Мы смотрели туда, где над широченной степью высилось гигантское тело ракеты. Серебристая, огромная, она почти сливалась с голубым небом и будто дрожала — то ли от марева, поднявшегося над проснувшейся степью, то ли от нетерпения скорее оторваться от Земли и умчаться в космическую бездну.

По радио звучали последние указания. Стартовая команда доложила, что приготовления закончены... Наступила тишина. Все ждали его доклада. Мы приготовились услышать его голос, но как только включилась громкоговорящая связь, все невольно вздрогнули: он докладывал четким, уверенным голосом:

— Все приборы корабля работают нормально! К старту готов!

И опять наступила тишина. Напряжение достигло крайнего предела. Мы стояли все вместе: конструкторы космического корабля, члены правительственной комиссии, ученые, космонавты... И казалось, будто сама вековая история человечества тоже стоит за нашими спинами и ждет ответа: чем же мы сейчас отчитаемся за все сделанное Человеком, прошедшим такой долгий и трудный путь — от каменного ножа до небывалого корабля-спутника? Чем ответим на гигантское напряжение воли великих мыслителей прошлого — Архимеда и Коперника, Галилея и Бруно, Ломоносова и Ньютона, Кибальчича и Циолковского, конструкторов и теоретиков наших дней? И Юрий должен был сейчас завершить усилия всего человечества в борьбе с тайнами природы, завершить титанический труд ученых, инженеров, рабочих, создавших космический корабль «Восток», осуществить вековую мечту людей, стремящихся преодолеть земное притяжение.

Тишину разорвало одно слово:

— Пуск!

«Поехали... и... и!» — услышали мы звонкий голос Юрия и, казалось, острее, чем он, почувствовали, как «напряглись» все двадцать миллионов лошадиных сил двигателей ракеты.

Чудовищный грохот, огонь, дым и снова огонь прокатились по степи. Серебристая ракета ужасающе медленно оторвалась от стартовой площадки и будто нехотя пошла в небо. Потом ее скорость начала нарастать. Вот она уже мчалась блестящей кометой... И затем исчезла из глаз...

Тяжесть предстартовых секунд исчезла, укатилась куда-то за горизонт солнечной степи так же, как растворился в ней грохот ракетных двигателей.

Таким я запомнил утро космической эры.

Помните, как ликовал весь мир? «Гражданин Вселенной» — так звали Юрия люди на всех континентах Земли. Ему рукоплескали народы Европы и Азии, Африки и Латинской Америки. В маленьких деревушках и столицах разных государств он был родным, желанным, первым гостем. Он стал почетным гражданином сотен городов, правительства многих государств награждали его своими высшими наградами и орденами.

И тогда на Юрины плечи легла тяжелая ноша — бремя славы. Это было новое, необычное испытание, не предусмотренное программой подготовки космонавтов.

Юра остался таким же, как прежде. Он ни на минуту не забывал, что он член нашего коллектива, и нес те же обязанности, что и раньше, помогая другим в занятиях и тренировках.

После полета Гагарина в космосе не раз слышалась русская речь, и всегда в эфире вместе с голосом нового космонавта был его голос. Он сопровождал в космос всех советских космонавтов, он вместе с ними переживал каждый полет.

Я сказал «бремя славы». Юрий как-то очень глубоко понимал долю своего участия в великом свершении народа, в подвиге ученых. Он был очень сильным человеком и не позволил себе увлечься, не позволил никому превратить себя в «звезду». Он остался Человеком.

Он сумел аккумулировать в себе эту славу на пользу общему делу. Он рос ото дня ко дню. И это чувствовалось во всем. И в его общественной работе, и в

наших космических делах. Он готовился к новому полету так же, как все. Он летал на самолетах, прыгал с парашютом, систематически проводил всевозможные испытания. Его пример во многом обязывал остальных.

Все мы видели его способности. Видели, как он быстро и свободно ориентируется в научных проблемах и космической технике. Он охотно делился своими знаниями с другими.

Но раньше нас разглядел это в Юрии, увидел в нем человека с задатками ученого академик Сергей Павлович Королев. Он заметил, что в Юре сочетается природное мужество, аналитический ум и исключительное трудолюбие. «Я думаю, — сказал как-то Сергей Павлович, — если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди громких имен наших ученых».

Надежное образование Юрий получил. В начале 1968 года он окончил Военно-Воздушную инженерную академию имени Жуковского. Дипломная работа Юрия привлекла внимание преподавателей и профессоров глубоким анализом, научной смелостью.

Гагарин был хорошим другом. На него можно было положиться и в делах, и в личных человеческих отношениях. Всем было с ним ловко: и нам, его друзьям, и знакомым, и молодежи, среди которой он проводил много времени на съездах, конференциях, слетах.

В свободные часы Юрий любил поехать на охоту, порыбачить, отдохнуть вместе с семьей, побродить за городом с дочками. Дочерьми он гордился. Гордился тем, что в них не было и тени бахвальства знаменитым отцом. Гордился их успехами в учебе, в музыке, их добротой.

Часто в воскресные дни вместе с женой и детьми он отправлялся в родной Гжатск повидаться со своими родителями.

Мне вспоминается апрельский вечер 1961 года — вечер после полета Юрия в космос. Мы бродили вдвоем по берегу Волги. О чем мы говорили тогда? Двери в космос были открыты, и мы мечтали о будущем. Но как ни смелы были наши мечты, мы не могли предположить, что эра пилотируемых космических полетов, взяв старт 12 апреля 1961 года, получит такое стремительное развитие.

Полет Юрия Гагарина — это великое завоевание, величайшая победа советского человека. Люди ликovali, радовались, но потом сказали: этого мало!

Было много других сложнейших полетов советских космонавтов: первый групповой, первый выход человека в открытый космос. Мало, мало!

Автоматическая станция совершила мягкую посадку на Луне. Мало! И когда человек вступил на поверхность Луны, люди радовались, а потом опять сказали: мало!

И вот на орбите вокруг Земли космонавты создали экспериментальную научную станцию — прототип внеземных поселений. Мало!

Ученые, космонавты и впредь будут вести наступление на тайны природы, «завоеывая все околосолнечное пространство», как предсказывал великий Циолковский.

Так устроен человек. Не может он остановиться на достигнутом. Он никогда не успокоится на своем желании познать весь окружающий мир, всю Вселенную.

Во имя этой мечты Юрий Гагарин жил, во имя этой мечты первый гражданин Вселенной совершил свой подвиг.

Герман Титов, летчик-космонавт, Герой Советского Союза

ВИЖУ ЗЕМЛЮ

«Расскажите, как вы стали космонавтом...»

Впервые эту фразу я прочитал через несколько дней после возвращения из космоса, когда просматривал письма, полученные чуть ли не из всех уголков Советского Союза.

Конечно, больше всего моей жизнью интересуются молодежь, дети. С ребятами мы встречаемся часто. И всегда одним из первых раздается все тот же вопрос:

— Как вы стали космонавтом?..

Отвечаешь, рассказываешь о полете, а у некоторых в глазенках что-то вроде недоверия.

«Наверное, он скрывает какой-нибудь главный секрет», — думает один.

«Не может быть, чтобы совсем-совсем обыкновенный мальчик превратился в космонавта!» — рассуждает другой.

— У вас, Юрий Алексеевич, жизнь была не такая, как у других, — уверенно сказала мне как-то одна школьница.

Пусть этот рассказ о моей жизни будет доказательством, что нет никаких секретов на моем пути в космос.

ПОКА — ВСЕ ЗЕМНОЕ

Детство мое прошло в деревне Клушино, Смоленской области, затем — в небольшом городке Гжатске. Отец и мать, так же как и деды и бабки, — крестьяне. Я от души смеялся, когда узнал, что за границей кто-то распустил слух, будто я происхожу из знатного рода князей Гагариных, которые до революции владели дворцами и крепостными крестьянами...

Мои родители сейчас — люди пожилые. Они родились еще до победы Советской власти. Поэтому образование получить не могли. Ведь до 1917 года даже четыре класса школы были доступны далеко не всем крестьянским детям. Но я помню, как в деревне говорили: «Золотые руки у Алексея Гагарина!»

И в самом деле, у отца спорилась любая работа — и столяра, и каменщика, и пахаря, и слесаря. К этому он приучал и нас, трех сыновей и дочь. Мы гордились, когда впервые что-нибудь получалось самостоятельно: удалось ли запрячь лошадь, насадить топор на топорище, поправить забор...

Первый космонавт Земли — пионер космоса — был пионером, как миллионы ребят нашей страны.

Много таких крестьянских домов в деревнях нашей родины. Здесь, в деревне Клушино, Смоленской области, 9 марта 1934 года родился Юрий Гагарин.

Мама удивительно много читала. Она могла ответить почти на любой мой вопрос. Мне она казалась, да и сейчас кажется, неисчерпаемым источником жизненной мудрости.

К учению я относился серьезно. Не гнался за хорошими отметками в дневнике, а просто хотел знать как можно больше, научиться всему как можно быстрее.

Но я оговорился: «в дневнике». На самом деле в клушинской школе, порог которой я переступил 1 сентября 1941 года, дневников не было и в помине. Шла война. В одной небольшой комнате одновременно занимались два класса — первый и третий. Потом, во вторую смену, — второй и четвертый. Даже тетради были редкостью. Часто приходилось писать на полях газеты, на кусках обоев...

Шла война...

Как-то, возвращаясь с ребятами из школы, мы увидели невысоко в небе два советских самолета.

— Смотрите-ка! — крикнул кто-то из товарищей. — Неужто один подбитый?

В самом деле, маленький истребитель заваливался то на одно крыло, то на другое и все ниже и ниже клонился к земле. Второй большими кругами летал над ним, как одна птица над другой, подбитой. Летчику, наверное, стоило больших сил удержать самолет от падения. Ему удалось наконец посадить машину на торфяном болоте за околицей. При посадке самолет переломился, но пилот успел выпрыгнуть из кабины.

— Другой садится!

Мы бросились к болоту.

Действительно, второй самолет приземлился рядом, на лугу. Летчик не бросил друга в беде. Они переночевали в Клушине, а утром оба улетели на исправной машине.

«Сам погибай — товарища выручай» — эту пословицу мне пришлось не раз слышать позже от бывших фронтовиков, от инструкторов в аэроклубе, от командиров в авиационных частях, в которых я служил. Но я уже давно знал, что означает эта пословица: случай с двумя летчиками, их мужество я никогда не забуду.

Война принесла много лишений. Мы переехали в Гжатск, но и там пришлось испытать немало горя и нужды. На счету был каждый кусок хлеба. И в 1949 году, когда мне исполнилось 15 лет, я решил оставить учебу в средней школе, чтобы быстрее начать помогать родителям. Цель была ясна: поступить работать на завод и потом уже продолжать учиться заочно. Многие гжатские ребята так и делали.

Конечно, и матери и отцу не хотелось расставаться со мной. Им казалось, что я еще маленький, хотя сами в таком возрасте уже работали по-взрослому. В конце концов решили, что я поеду в Москву, к дяде, который подскажет, как поступить дальше.

Дядя посоветовал мне пойти в ремесленное училище при заводе сельскохозяйственных машин в Люберцах, московском пригороде.

В училище определилась моя будущая профессия, которой не суждено было стать основной: формовщик литейного цеха. Профессия не из легких. Она требует не только знаний и опыта, но и большой физической силы. Но свободное время оставалось. Его хватало и на выполнение комсомольских поручений, и на игру в баскетбол, которой я всегда увлекался, несмотря на свой не слишком высокий рост.

Труднее стало, когда я поступил в вечернюю школу рабочей молодежи. Приходилось жалеть, что в сутках только двадцать четыре часа. Но школу я кончил. И тогда дирекция ремесленного училища помогла мне и нескольким моим друзьям поступить в индустриальный техникум в Саратове на Волге. По той же литейной специальности, далекой от самолетов и тем более от космических дел.

Тем не менее именно с Саратовом связано появление у меня болезни, которой нет названия в медицине, — неудержимой тяги в небо, тяги к полетам.

Юрий Гагарин с детства знал труд. Окончив ремесленное училище, он с гордостью называл себя рабочим. Он постоянно учился. Училище, вечерняя школа рабочей молодежи, индустриальный техникум, аэроклуб.

За семь лет непрерывной учебы — четыре свидетельства об окончании учебных заведений. Он воспитывал в себе не просто усидчивость и трудолюбие, а волю и настойчивость. Стремление к знаниям стало чертой его характера.

Жизнь Гагарина неразрывно связана с авиацией. Он стал летчиком по зову сердца. Когда он совершил свой первый самостоятельный полет на самолете, он понял, что на всю жизнь полюбил небо.

Всей предыдущей учебой, неустанным трудом, физической закалкой Юрий Гагарин подготовил себя к летной работе, к профессии космонавта. Пытливый, образованный, жизнерадостный, мужественный, он прошел путь от курсанта летного училища до школы космонавтов. Первоклассный летчик-истребитель начал подготовку к полету в космическое пространство.

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ?

В техникуме работали самые различные кружки и секции. Я продолжал играть в баскетбол, любил плавать. Но появилось особенное пристрастие к физике. Видимо, сказывалось влияние моего первого преподавателя физики в гжатской школе — Лев Михайлович Беспалов умел заинтересовать ребят. В техникуме уроки физики вел Николай Иванович Москвин. Мы смотрели на опыты в физическом кабинете как на какое-то волшебство.

В Саратове, конечно, пришлось изучать физику на другом уровне. Здесь в физическом кружке я сделал два доклада. Первый — о работе русского ученого Лебедева о световом давлении. Тема второго выступления называлась «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». Чтобы подготовиться к докладу, пришлось прочитать и сборник научно-фантастических произведений Циолковского, и много других книг.

Лет с двенадцати я, как и все ребята, зачитывался произведениями Джека Лондона, Жюль Верна, Александра Беляева. На фантастические романы в гжатской библиотеке стояла очередь. Мы их пересказывали друг другу, завидовали тому, кто первым прочтет книгу.

Циолковский был совсем иным писателем. Меня увлекла его прозорливость, способность видеть будущее с необыкновенной точностью. Он писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных, — и они уже летали в небе над Саратовом. Он писал о ракетах — и они уже поднимались ввысь над советской землей. Правда, пока еще в стратосферу.

*Сыновьим теплом проникнуты рассказы Юрия Гагарина о своей матери
Анне Тимофеевне.*

«Мой отец, — говорил об Алексее Ивановиче Юрий Гагарин с гордостью, — на все руки мастер».

В сердце каждого мужественного, прямого, честного человека большое место занимают близкие, родные. И кем бы ни был Гагарин — ремесленником или военным летчиком, а затем уже известным на весь мир героем, — он всегда был очень внимательным к своим родителям, часто приезжал в родной дом в гости.

Словом, то, что предвидел Циолковский, сбывалось на глазах:

«Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Пожалуй, именно с доклада о работах Циолковского и началась моя «космическая» биография. В литейщике родился летчик. Решил начать с аэроклуба. Признаться, мы с друзьями — Витей Порохней и Женей Стешиным — думали, что пройдет какая-нибудь неделя-другая, и мы начнем летать. Оказалось, что все не так просто: нужно упорно изучать теорию, овладевать практическими навыками — словом, работать, работать и снова работать...

Помню день первого, прыжка с парашютом. То ли было очень шумно в самолете, то ли я слишком волновался, но команду инструктора вылезать на крыло не услышал. Только увидел его жест: пора!

Выбрался за борт кабины, глянул на землю. Никогда еще не приходилось бывать на такой высоте...

— Не трись, Юрий, — внизу девочки смотрят! — подбодрил меня инструктор.

В самом деле, на земле ждали своей очереди подруги по аэроклубу.

— Пошел...

Приземлился удачно.

И потом все показалось простым, захотелось еще и еще спускаться под белым куполом.

После диплома уже просто не мог отступить, бросить воздушную стихию. Подал заявление в Оренбургское авиационное училище. Хотя я не стал техником-литейщиком, могу сказать с уверенностью, что знания, полученные во время учения, и профессиональные навыки мне пригодились в жизни. Но главное — я научился работать в коллективе и жить с товарищами общими интересами.

Только однажды я чуть было не изменил своей мечте, чуть было не уклонился от избранного жизненного пути. И спасибо друзьям: они помогли не сделать ошибки.

Дело было так. В Оренбурге, на первом курсе авиационного училища, я получил грустное письмо из дома. Заболел отец, матери жилось нелегко. Потянуло в Гжатск. Появилась мысль: «Брошу-ка я все, поеду к своим, устроюсь на завод...»

Поделился с друзьями тем, что было на душе.

— Юра, не унывай, — сказали они мне. — Не будь тряпкой. Кончишь училище и сможешь помогать родителям.

В сердце каждого настоящего человека смелой профессии вы найдете много любви, к семье, к детям.

Валя поняла мое душевное состояние. Тогда мы еще не были мужем и женой, но уже крепко дружили. В день моего рождения она подарила мне фотоальбом с надписью: «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы».

Я прочитал эти строки и подумал: «Неужели курсант Гагарин всерьез хотел бросить авиационное училище? Неужели он решил отказаться от любимого дела, от своей мечты?»

Пустое дело — рассуждать по методу «если бы да кабы». Но легко себе представить, что по-иному сложился бы мой жизненный путь, если бы я не прислушался к добрым советам Вали и других друзей.

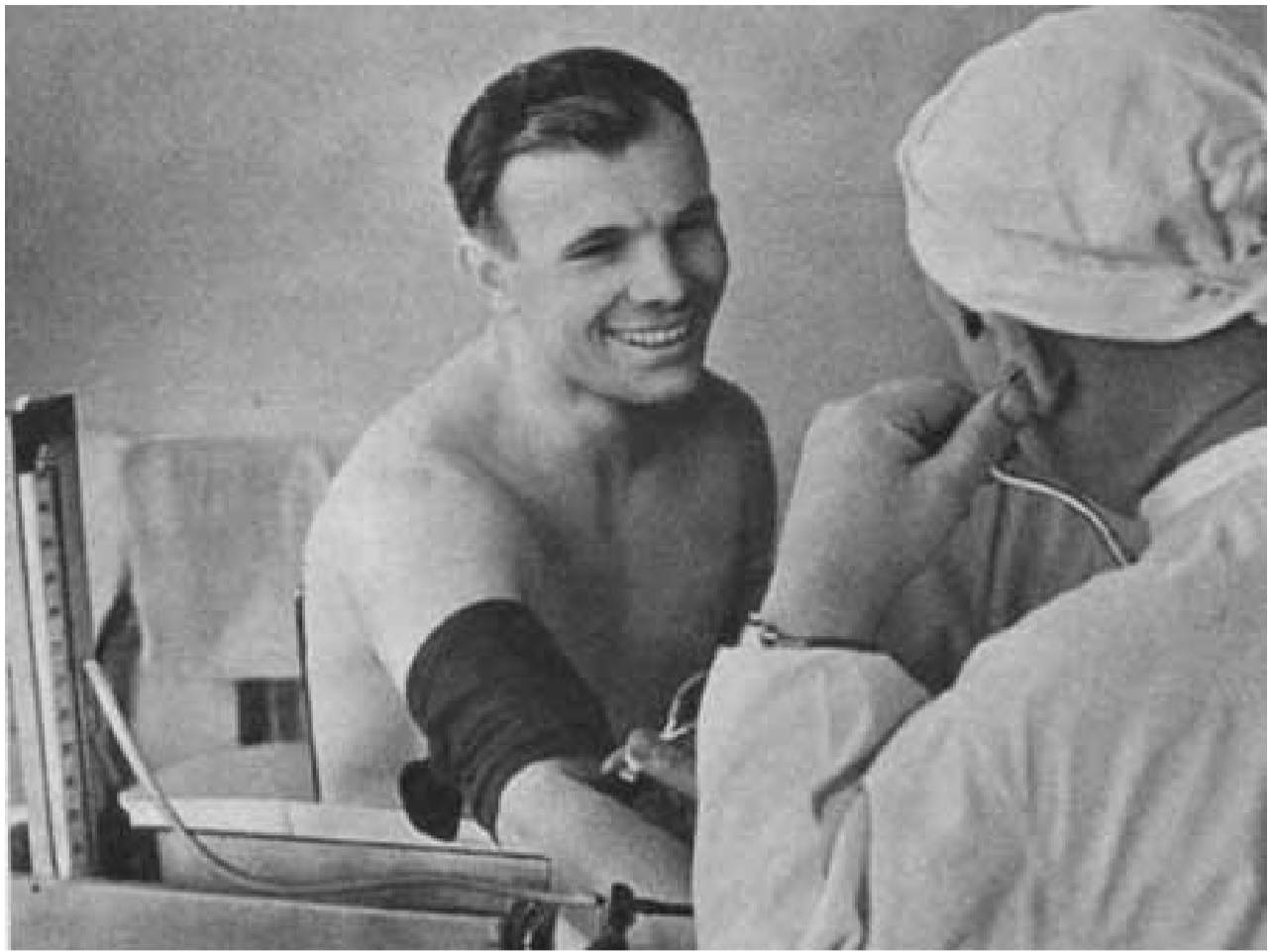

Таким запомнила Юрия Гагарина вся земля после его полета в космос. Все, кто видел Юрия Гагарина в кино, по телевидению, на снимках в журналах и газетах, запомнили его неповторимую улыбку.

МЫ РИСУЕМ КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

Годы учения в Оренбурге совпали с первыми советскими успехами в завоевании космоса. После запуска искусственного спутника в Ленинской комнате училища у радиоприемника разгорались жаркие споры:

- Теперь скоро и человек полетит в космос...
- Скоро? Больно ты быстрый! Лет через пятнадцать — двадцать... Тебя к тому времени уже спишут из авиации!
- Первым, конечно, на спутнике полетит ученый. Это же корабль-лаборатория...
- Совершенно не обязательно. Потребуется человек с железным здоровьем. Как у водолаза или летчика-испытателя.
- А по-моему, для первого полета в космос выберут врача. Ведь главное — проверить, как реагирует человеческий организм...

Центрифуга, сурдокамера, барокамера, термокамера, полеты на самолетах, прыжки с парашютом, ежедневные теоретические занятия, изучение сложной аппаратуры и устройства корабля — все прошел он прежде, чем занять место в кабине космического корабля «Восток-1».

Конечно, к единому выводу мы никогда не приходили. И даже набрасывая чертеж будущего космического корабля, все представляли его по-разному. Рисовал и я. Как мой тогдашний проект не похож на «Восток-1», с борта которого через пять лет я увидел Землю из космоса!

Особенно поразило нас сообщение о запуске второго искусственного спутника с собакой на борту. «Раз живое существо уже поднялось в космос, — подумал я, — почему бы не полететь туда человеку?» Я присоединился к той группе спорщиков, которая считала запуск первого космонавта делом недалекого будущего.

А время шло. Настали и счастливые события. Вернее, совпали: я надел форму лейтенанта авиации и женился на Вале. Многое дал мне Оренбург — и семью, и власть над самолетом.

Из приуральских степей путь наш лежал на Север, в край длинных полярных ночей. Там — служба, там — практика. Я много летал, а еще больше учился. Занимался теоретическими дисциплинами, чтению отдавал почти все свободное время.

Принесешь, бывало, в комнату дров, затопишь печь. Валя готовит ужин и просит: — Почитай что-нибудь вслух...

Даже романы и повести я старался выбирать из жизни летчиков. Да и Валу эта тематика быстро увлекла.

Так шла, бежала, летела вперед жизнь. Третья космическая ракета сфотографировала невидимую сторону Луны. «Какая изумительная точность! — отметил я мысленно. — Значит, уже совсем скоро...»

Через несколько дней я подал рапорт с просьбой зачислить меня в группу подготовки космонавтов, если, разумеется, такая группа уже существует.

Почему решился на такое заявление? Трудно ответить. Но теперь уж точно известно, что решился не один я: подобных заявлений было немало, и не только от летчиков.

Кое-что у меня было в активе: я был молод, здоров, хорошо себя чувствовал во время полетов и прыжков с парашютом. Но, признаться, я не слишком надеялся на успех заявления. «Найдутся тысячи и тысячи лучше меня», — думалось мне.

Какова же была радость, когда пришел вызов из Москвы! Пройдена первая, очень тщательная медицинская комиссия, после которой пришлось вернуться на Север. Окончательный ответ не приходил долго. Валя чувствовала, что я волнуюсь, но не догадывалась о подлинной причине. Не стоило ей говорить, когда ничего еще не было решено. Ведь я знал, что Валя не встанет на пути моих планов и будет рада за меня. Мы уже привыкли к тому, что у нас одни мечты, одни стремления.

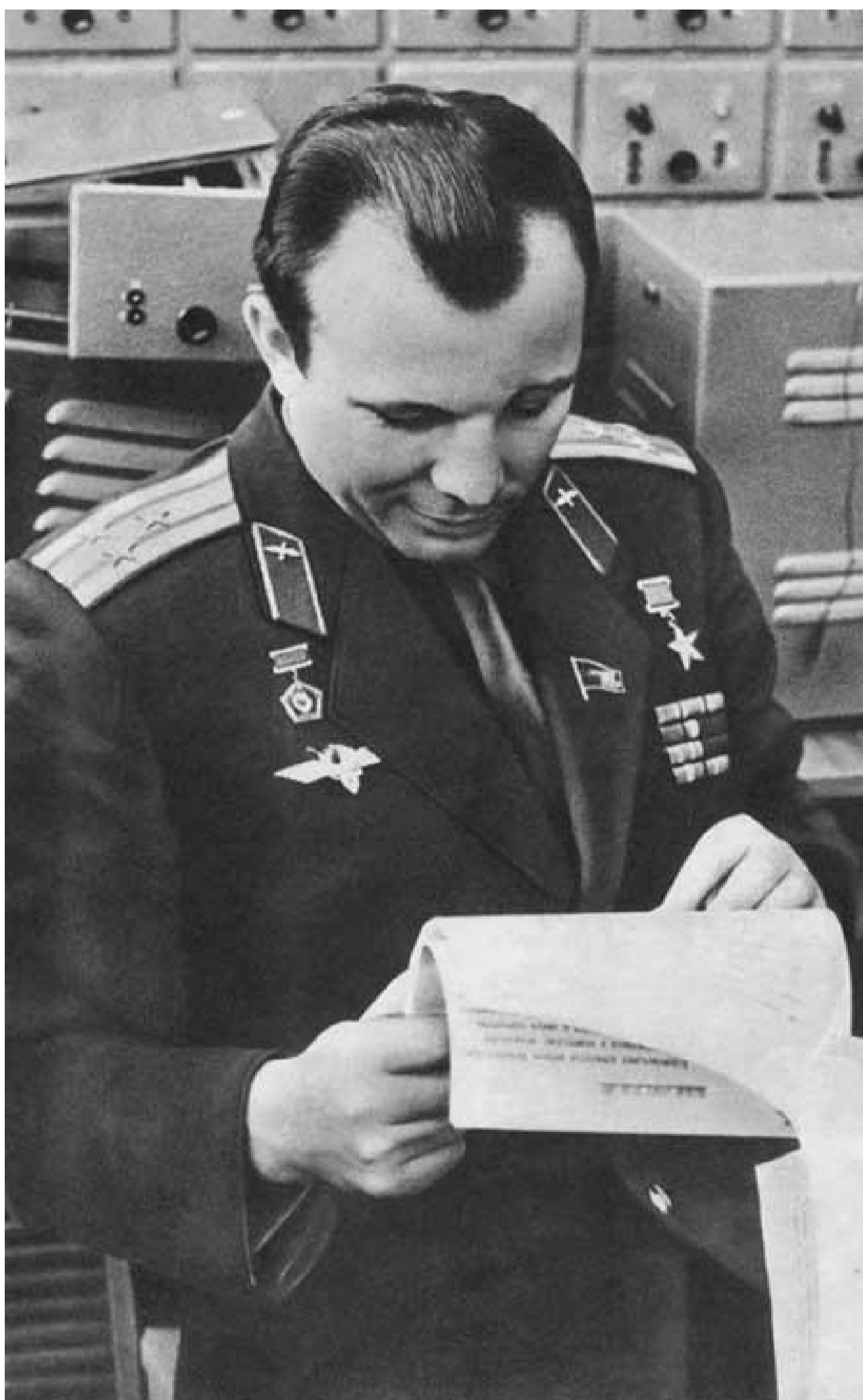
Хороший праздник — день рождения. Наверное, на тысячу людей находится не больше одного чудака, который не отмечает такой праздник. Мне же в канун двадцатипятилетия пришел редчайший из подарков: вызов в Москву. Я понял, что это значило.

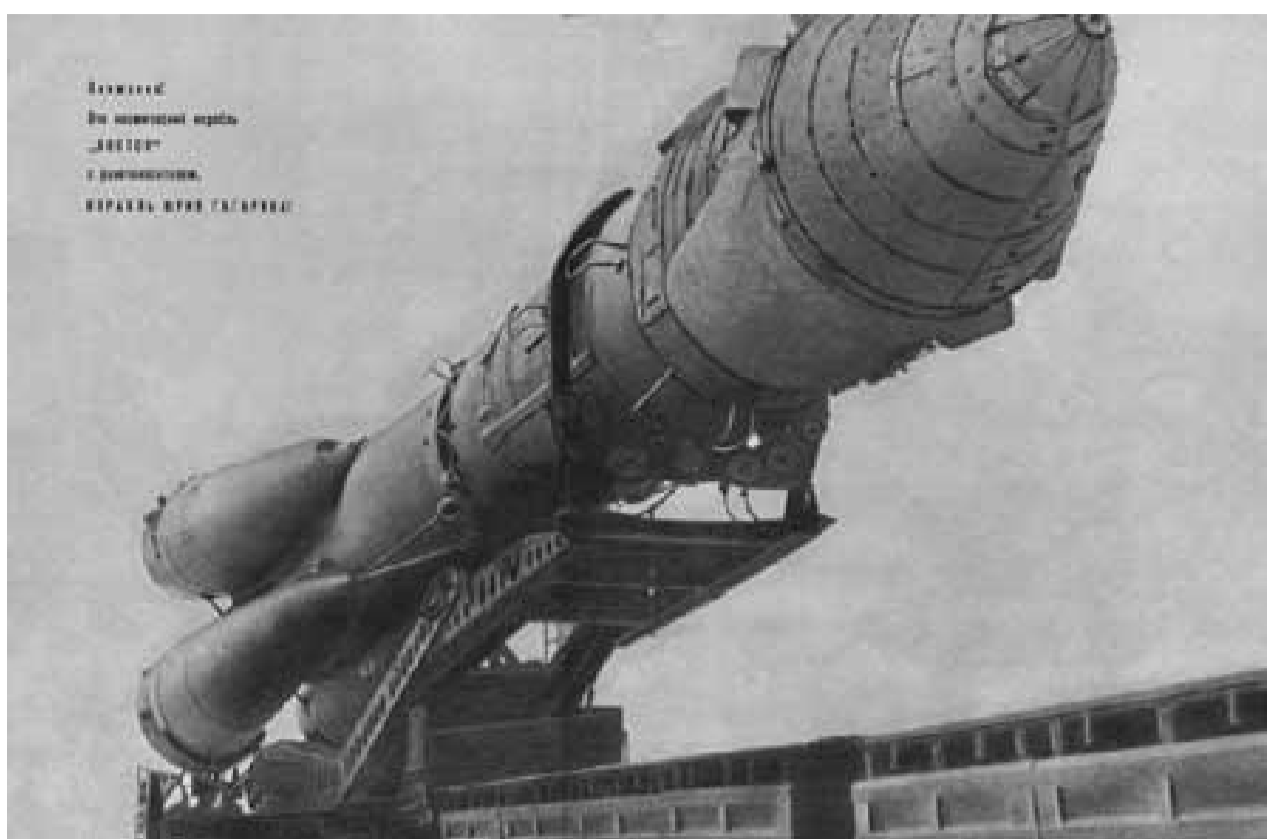
Многим знаком этот кабинет. Книги и справочники, географические и астрономические карты, глобус, записные книжки, испещренные заметками, лежали на столе и на книжных полках у стены. Здесь собирались космонавты, здесь обсуждались планы тренировок, здесь он отвечал на вопросы журналистов.

Крупнейший конструктор ракетно-космических систем академик Сергей Павлович Королев по-отечески любил Юрия. Они работали всегда рядом при подготовке космических полетов. Вместе руководили этими полетами. Знания, опыт Юрия Гагарина помогали ученым, конструкторам, космонавтам.

ЭККУРСИЯ НА БОРТ «ВОСТОКА»

Внимание! Это космический корабль «ВОСТОК» с ракетоносителем.
КОРАБЛЬ ЮРИЯ ГАГАРИНА!

— Будем знакомы: Титов.

— Меня зовут Андриян...

— Гагарин, Юрий.

Первые встречи, первые знакомства. Все мы с интересом присматривались друг к другу. Душевные, простые, обыкновенные ребята.

Сразу прибавилось уверенности в силах.

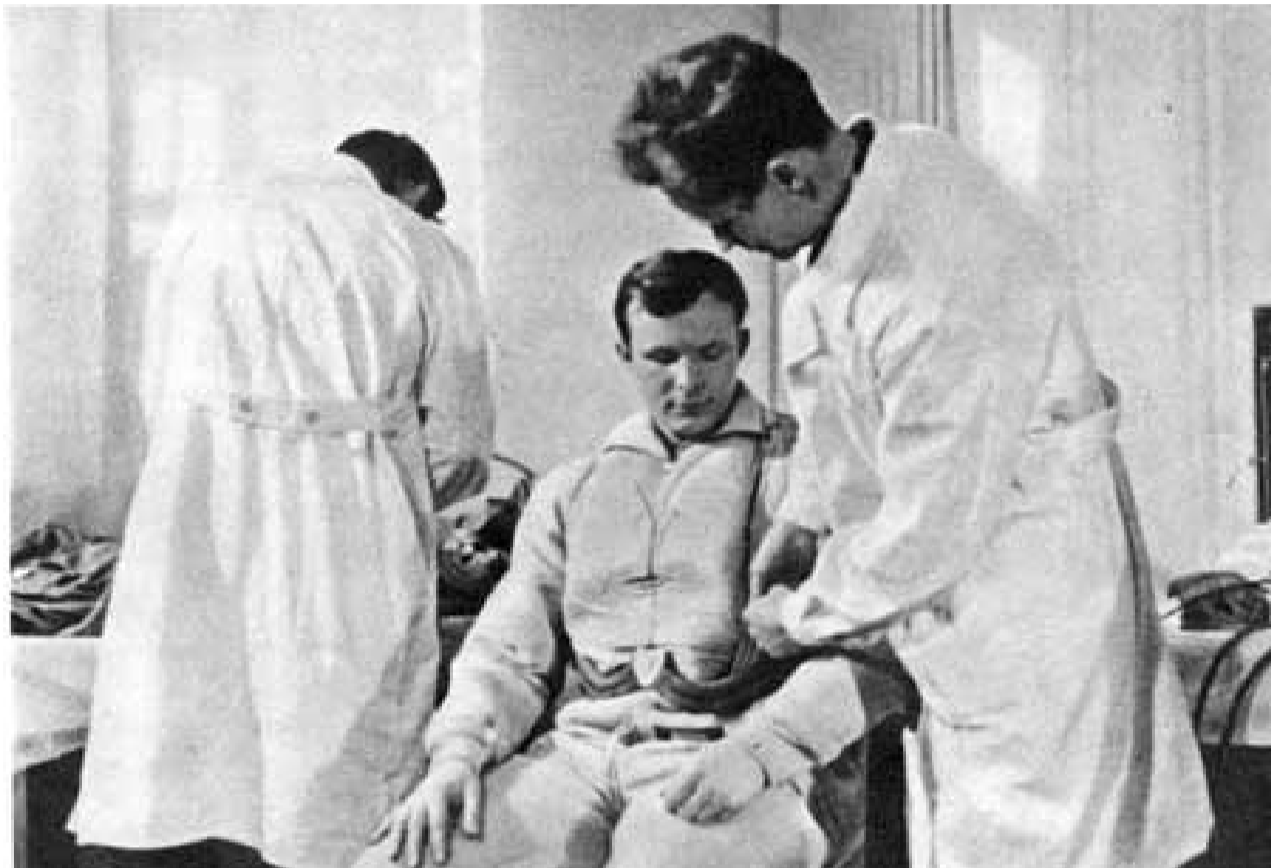

Новая эра в истории Земли — эра космических полетов человека, первые шаги на пути покорения всего околосолнечного пространства неотделим от имени Юрия Гагарина.

В день решающего испытания, выпавшего на его долю, он сохранял

спокойствие. Он был уверен в благополучном окончании этого грандиозного научного эксперимента, и его уверенность передавалась всем, кто готовил его к полету.

— Это мужество самой высокой пробы, это больше, чем геройство, — сказал наставник космонавтов генерал Каманин, наблюдая за подготовкой к старту Юрия Гагарина.

Врачи, проверявшие перед полетом физическое состояние космонавта, недоумевали. Откуда такое спокойствие? Откуда такое хладнокровие?

Мы поселились под Москвой, в месте, которое сейчас принято называть «Звездный городок». Быстро пришлось убедиться: предстоит немало трудиться и учиться. И главное, впереди было не так уж много времени: ученые и конструкторы практически заканчивали все необходимые приготовления.

К полетам нас готовили специалисты самых различных областей знания. Мы изучали основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, геофизику, астрономию, медицину. Кроме теории, много времени уходило на физическую подготовку. Гимнастику сменяли игры с мячом, прыжки в воду с трамплина, велосипед. Занимались регулярно, в любую погоду, под наблюдением врачей. А вскоре подошло время специальных тренировок: испытаний в сурдокамере, где царит абсолютная тишина, на стремительной центрифуге, в термокамере с обжигающим воздухом, в самолетах, где специально создается состояние невесомости.

Вот он спокойно положил в карман своего космического костюма удостоверение советского космонавта № 1.

Готовился и космический корабль. Его я впервые увидел летом 1960 года, за девять месяцев до старта. Будущий «Восток» всем понравился. Тогда же мы узнали, что оболочка корабля нагревается при входе в плотные слои атмосферы до нескольких тысяч градусов...

— Гагарину хорошо — он литейщик, привык стоять у раскаленных печей, — пошутил кто-то из товарищей.

— Пожалуй, несколько тысяч градусов многовато и для Юры, — сказал другой.

— Как-нибудь не расплавимся!

Здесь же мы познакомились с тепловой защитой корабля. И, забегая вперед, скажу, что во время всех наших полетов температура в кабине была нормальной.

Я хочу рассказать о корабле. Конечно, «Восток-1» отличается от последующих кораблей, но основные принципы те же. Космический корабль состоит из двух отсеков. Первый — «жилой». Это кабина пилота с рабочей аппаратурой. Второй отсек — с тормозной установкой, которая обеспечивает посадку корабля.

Самый большой предмет в кабине — кресло. В него вмонтирована катапульта, схожая с теми, что имеются на реактивных самолетах. По команде кресло с человеком отделяется от корабля. Кроме катапульты, в кресло вмонтирована спасательная лодка, запас провизии, рация для связи, аптечка.

Наверное, все или почти все читатели видели в кино или по телевидению внутреннее оборудование корабля. Там много сложной радиотехники, оптических устройств. За тем, что делается вне корабля, пилот наблюдает через иллюминаторы. Стекла иллюминаторов особенные, не уступающие по прочности металлу. Но, кроме того, нужна и защита от ярких, не таких, как на Земле, солнечных лучей. Поэтому иллюминаторы снабжены специальными шторками.

В кабине расположены аппараты и системы, обеспечивающие нормальные условия жизни и работы космонавта: температуру воздуха, влажность, содержание кислорода и так далее. Необычайная точность расчетов сопровождала нас во всем от старта до посадки.

Безукоризненно работали все приборы. Об одном приборе я расскажу вам подробнее. Он похож на глобус, обыкновенный глобус, такой же, как тот, который есть в каждой школе. Во время полета этот глобус вращается. И в любую секунду мы могли точно определить, над какой точкой Земли находится корабль. Управление кораблем настолько совершенно, что оно вызывало у нас, космонавтов, откровенное чувство восторга учеными и конструкторами.

«Быть первым в космосе, — сказал Гагарин перед стартом, — вступить один на один в небывалый поединок с природой, — можно ли мечтать о большем? Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня... первым проложить дорогу человечеству в космос... назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятком людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим...»

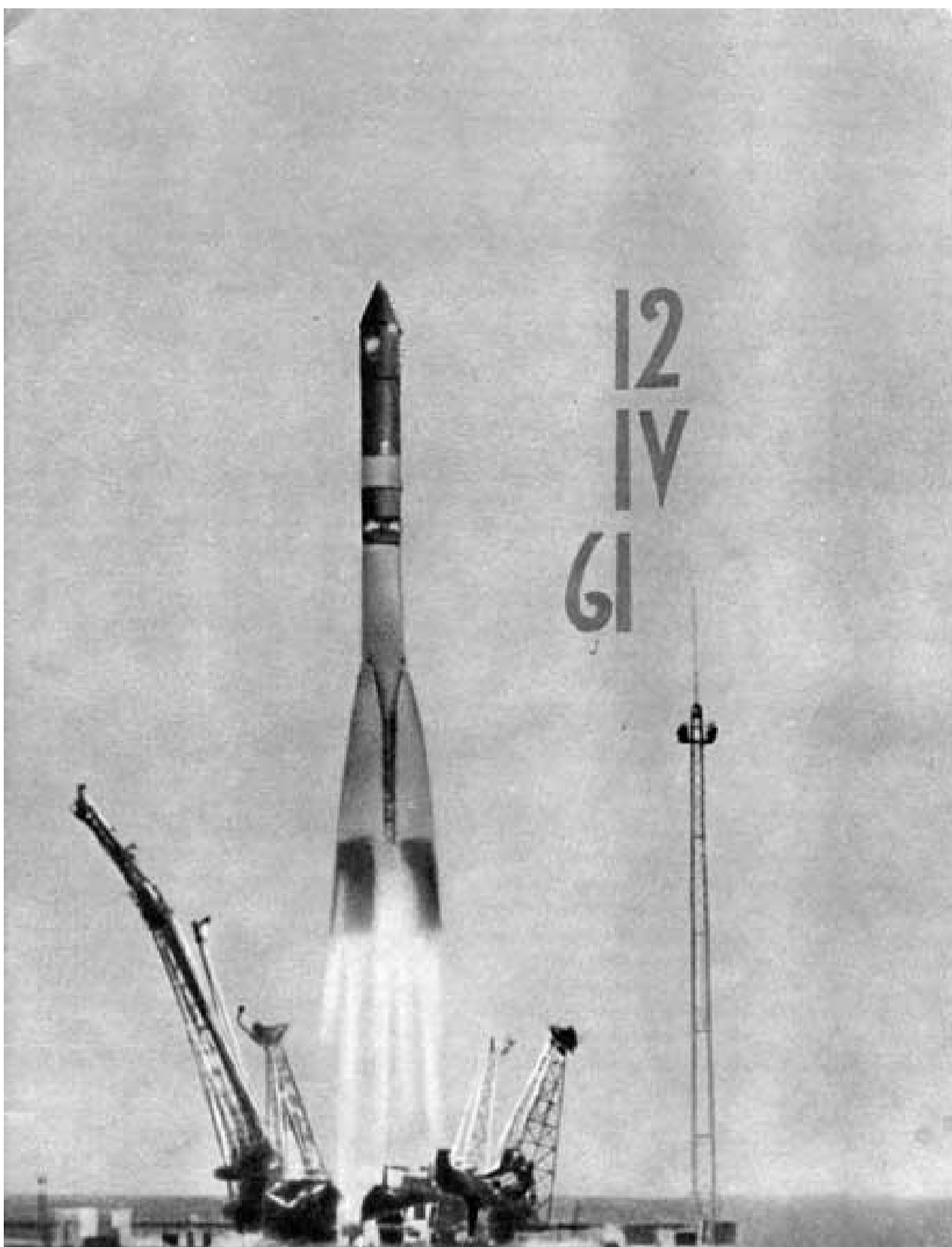
Как вы знаете, в космос корабль выводится многоступенчатой ракетой. Как только «Восток» достигает заданной высоты, он отделяется от ракеты-носителя и продолжает полет самостоятельно. Скорость — около восьми километров в секунду.

Советские ракеты не имеют себе равных по мощи, надежности и точности работы. Ракета, которая вывела на орбиту Земли «Восток», имела общую мощность двигателей около 20000000 лошадиных сил.

Раздалась команда, и космический корабль, оставляя за собой огненный шлейф, пошел в космос.

За 108 минут корабль Юрия Гагарина со скоростью около 28000 километров в час совершил полный оборот вокруг земного шара и благополучно опустился на родную землю.

12 апреля 1961 года. Московское время 9 часов 05 минут, 06, 07... — ПУСК!

СТО ВОСЕМЬ МИНУТ

Теперь это уже стало традицией: перед отъездом на космодром космонавты идут на Красную площадь, к Кремлю, к Мавзолею Владимира Ильича Ленина.

Так и я однажды шагал по морозной, но уже охваченной предчувствием весны Москве.

Тысячи людей шли по улице Горького навстречу мне, обгоняли. И никто, конечно, не знал, что готовится грандиозное событие, подобного которому еще не знала история. Я постоял у кремлевской стены, еще раз взглянул на Мавзолей Ленина, спустился к Москве-реке... В ту же ночь вылетел в Байконур.

«...Корабль почернел, обгорел, но именно поэтому, — сказал космонавт, — казался мне еще более красивым и родным, чем до полета».

Вместе со мной на космодром летели Герман Титов, еще несколько космонавтов, группа научных работников и врач. Опасения тех, кто предлагал не предупреждать нас о дне полета, чтобы мы не нервничали, не оправдались. И я, и Герман, который был готов в случае необходимости занять место в кабине «Востока», чувствовали себя прекрасно.

Мы были готовы. Но долгожданное решение государственной комиссии было объявлено только на космодроме: я назначался командиром «Востока-1», Герман Титов — моим дублером.

Люди затаили дыхание. Первый в мире космонавт шел по красной дорожке, чеканя шаг, чтобы доложить: «Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле „Восток“ 12 апреля успешно совершен... Чувствую себя отлично. Готов выполнить новое любое задание нашей партии и правительства».

Это был большой праздник на нашей планете. Имя Гагарина стало рядом с именем Колумба и Магеллана. Его отождествляли с Икаром — героем поэтического мифа. А он остался самим собой, скромным и умным. Остался Юрием Гагариным.

До 11 апреля мы с Германом изучали график полета, отрабатывали все элементы задания. Нужно было запомнить все операции, которые предстояло выполнить в полете. Помогали нам в этом и создатель космического корабля, и видные советские ученые.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

**О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПЕРВОМУ В МИРЕ СОВЕТСКОМУ ЛЕТЧИКУ-КОСМОНАВТУ
МАЙОРУ ГАГАРИНУ Ю. А.**

За героический подвиг — первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину, за проявленное мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу коммунизма, делу прогресса всего человечества присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» первому в мире летчику-космонавту майору Гагарину Юрию Алексеевичу и установить бронзовый бюст Героя в городе Москве.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 14 апреля 1961 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЗВАНИЯ «ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР»

В ознаменование первого в мире космического полета человека на корабле-спутнике учредить звание «Летчик-космонавт СССР».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 14 апреля 1961 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

**О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ «ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР»
ЛЕТЧИКУ МАЙОРУ ГАГАРИНУ Ю. А.**

За осуществление первого в мире космического полета на корабле-спутнике «Восток» присвоить звание «Летчик-космонавт СССР» гражданину Советского Союза летчику майору Гагарину Юрию Алексеевичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 14 апреля 1961 г.

Привыкали мы и к «космической кухне» — сокам и паштетам, которые предстояло есть из особых туб.

День перед полетом был отведен для полного отдыха. В домике, где жили мы с Германом, звучала тихая музыка. О полете не разговаривали. Вспоминали детство, прочитанные книги, увиденные фильмы. Весело посмеивались друг над другом, вспоминая всякие забавные случаи и происшествия. Кроме врача, который был с нами почти постоянно, заходили друзья по отряду, Главный Конструктор.

Спать легли в девять вечера. Помнится, снов я не видел. В половине шестого утра разбудил врач. Встал и Герман, напевая, как обычно, шутивную песенку. Последняя проверка. Все — в норме.

Мне помогли надеть скафандр. Тут же, кажется, я дал первые в жизни автографы.

Потом мы с Германом сели в специальный автобус, в котором начинается уже космическая жизнь. Скафандр подключается к приборам, подающим воздух.

У подножия ракеты — огромного, устремленного в небо сооружения — попрощался с провожающими и на лифте поднялся к вершине ракеты. Заявление, которое я сделал за несколько минут перед этим, широко известно. Оно было напечатано в газетах, передано по радио. Тем не менее хочется вспомнить несколько фраз, сказанных на космодроме. Они ведь точно отражали мое душевное состояние перед полетом, мои чувства и мысли:

«Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях. Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле. Сейчас до старта остаются считанные минуты.

Я говорю вам, дорогие друзья, до свиданья, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!»

И вот я остался один среди многочисленных приборов, освещенных искусственным светом. Лишь радио связывало меня с окружающим миром.

Москва. Сотни тысяч людей на улицах столицы, на Красной площади встречали героя — первого покорителя космоса. Герой, совершивший подвиг, принадлежал всему миру, но он был наш, советский человек. И Гагарин был верен себе, своим принципам, своему воспитанию. Он, коммунист, стремился идти вперед. В своем первом же интервью он сказал: «Мои планы на будущее такие: я хочу посвятить свою жизнь, свою работу, свои мысли и чувства новой науке, заниматься завоеванием космического пространства. Мне хочется побывать на Венере, увидеть, что находится под ее облаками, увидеть Марс и самому убедиться, есть ли на нем каналы».

Конечно, я волновался — только робот не волновался бы в такие минуты и в такой обстановке. Но вместе с тем был уверен, что полет завершится успешно, что ничего такого, что не предвидели бы наши ученые и техники, не случится. Был уверен в совершенстве ракеты, скафандра, приборов, связи с Землей, качестве пищи. Очевидно, и во мне были уверены. Все это, вместе взятое, и называлось «готовностью к космическому полету».

О чем я думал, сидя в кресле космического корабля перед стартом? Уже была проверена техника связи. Слышалась музыка: друзья позаботились, чтобы я не чувствовал одиночества. Оставалось шестьдесят минут «свободного времени».

Еще не подсчитана скорость человеческой мысли, а какое расстояние может она преодолеть за час! Вспомнил о далеком-далеком дне, когда мне повязали пионерский галстук. Я узнал, что слово «пионер» означает «разведчик», «исследователь», «первый пролагающий дорогу». Замечательное слово! Жаль, что не все мы храним до конца дней своих, как самую дорогую память, первый пионерский галстук...

У Юрия Гагарина две дочери — Галя и Лена. Он хорошо понимал ребячьи дела и близко к сердцу принимал их заботы и радости.

Мне предстояло снова стать пионером, первым человеком, оторвавшимся от Земли, преодолевшим власть ее тяготения. Из всех дерзких человеческих мечтаний это, конечно, испокон веков считалось самым несбыточным, самым сказочным.

Миллионы советских школьников видели Гагарина у себя в гостях. Встречались и говорили с ребятами его друзья-космонавты. Они побывали в гостях у пионерских дружин во многих городах нашей родины.

Двигатели ракеты были включены в 9 часов 07 минут. Сразу же начали расти перегрузки. Я буквально был вдавлен в кресло. Как только «Восток» пробил плотные слои атмосферы, я увидел Землю. Корабль пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо были видны островки на ней и освещенные солнцем лесистые берега.

Смотрел то в небо, то на Землю. Четко различались горные хребты, крупные озера. Видны были даже поля.

Самым красивым зрелищем был горизонт — окрашенная всеми цветами радуги полоса, разделяющая Землю в свете солнечных лучей от черного неба. Была заметна выпуклость, округлость Земли. Казалось, что вся она опоясана ореолом нежно-голубого цвета, который через бирюзовый, синий и фиолетовый переходит к иссиня-черному...

*Юрий Гагарин много работал, постоянно учился. Как-то он сказал:
— Помните ленинские слова: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...». Нам, космонавтам, просто необходимо учиться, совершенствоваться, если мы не*

хотим отстать. Сегодня наука развивается с космической скоростью, особенно в нашем деле. Непрерывно совершенствуются наши корабли, мощные ракетносители, оборудование и приборы, и все это надо знать, знать досконально. Академия, в которой мы учимся, очень помогает нам быстро разбираться в каждой технической новинке. Закончив академию, мы будем совершенствоваться дальше. Работа у нас такая, — улыбнулся он.

Невесомость, к которой я быстро привык, сыграла со мной злую шутку. После одной из записей в бортовой журнал я отпустил карандаш, и он свободно поплыл по кабине вместе с планшетом. Но неожиданно развязался узелок шнурка, на котором был закреплен карандаш, и он нырнул куда-то под сиденье. С этого момента я его больше не видел. Дальнейшие свои наблюдения пришлось передавать по радио и записывать на магнитофон.

И только в короткие часы отдыха Гагарин разрешал себе отвлечься от дел. На охоте или на рыбалке, в лесу, собирая грибы, он был неугомонным. Любил шутку, веселую и остроумную. Любил подтрунивать и весело смеялся, когда его самого удачно разыгрывали.

Юрий Гагарин и Владимир Комаров дружили. «Прекрасная это штука — жизнь», — любили повторять они.

За исключением этого небольшого происшествия, ничего непредвиденного не произошло. Заранее разработанный график полета соблюдался точно. До самого спуска все шло примерно так, как мы рассчитывали на Земле.

Он первым облетел на космическом корабле всю планету, а потом вновь объехал ее как желанный гость.

В 10 часов 25 минут автоматически было включено тормозное устройство. Корабль вошел в плотные слои атмосферы. Сквозь шторки, прикрывавшие иллюминаторы, я видел багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки вновь прижали меня к креслу. Они увеличивались и были сильнее, чем при взлете.

В 10 часов 55 минут, через 108 минут после старта, «Восток» благополучно опустился на поле колхоза «Ленинский путь» у деревни Смеловки.

В своем ярко-оранжевом скафандре я, наверное, выглядел странно.

Первые земляне, женщина и девочка, боялись подойти ко мне поближе. Это были Анна

Акимовна Тахтарова и ее внучка Рита.

Потом с полевого стана подбежали механизаторы, мы обнялись, расцеловались. За те неполных два часа, которые я провел в космосе, радио донесло и сюда, и во все концы Земли весть о запуске. Моя фамилия уже была известна тем, кто меня встретил.

И где бы ни бывал Юрий Гагарин, он всегда был послом мира и дружбы и преумножал число наших друзей.

«Восток» спустился в нескольких десятках метров от глубокого оврага, в котором шумели весенние воды. Корабль почернел, обгорел, но именно поэтому казался мне еще более красивым и родным, чем до полета.

ЖДЕМ НОВЫХ СТАРТОВ!

После полета мне стало трудно, никем не замеченным и не узнанным, походить по вечерней Москве, прийти на Красную площадь. Популярность — вещь непоправимая. Приходится лишь думать: чему и кому ты ей обязан?

Один иностранный корреспондент спросил меня:

— Не устали ли вы, Гагарин, от той известности, которую получило ваше имя после 12 апреля 1961 года? Теперь, наверное, вам обеспечен отдых до конца жизни...

— Отдыхать? — возразил я ему. — У нас в Советском Союзе все трудятся, и больше всего — самые известные люди, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда. Их в стране тысячи, они стараются работать как можно лучше, увлекая других своим личным примером.

Дел после первых полетов в космос у нас не убавилось, а прибавилось. Все мы продолжаем учиться. Совершенствуем знания в области космических полетов. Мы не ушли из отряда космонавтов, а продолжаем ежедневно работать в классах и лабораториях, передавая опыт своей смене.

Чудесные ребята готовятся продолжать наше дело! Им будет и легче и сложнее, чем нам. Легче — потому что мы уже много узнали. Труднее — потому что с каждым разом задания сложнее, аппаратура тоже.

Мои друзья, надеюсь, простят меня за то, что я открою наш общий секрет: ни один из нас, космонавтов, слетавших в космос, не отказался от мысли еще раз «взглянуть» на нашу

голубую планету...

— Что касается меня, то полеты в космос — это моя работа. Она захватывает все мои мысли и душу.

Я закрываю глаза, передо мной встает Юрино лицо. Оно очень подвижное, его лицо. Малейшие оттенки настроения отражаются на нем и быстро меняются, как у всякого горячего по натуре человека...

Юра был горяч. Горяч в деле. Все, что касалось нашей работы, волновало и трогало его. Он с детской непосредственностью радовался каждому нашему успеху, тяжело переживал, если возникали какие-либо препятствия.

Нет, он не боялся трудностей. Он очень болел за дело. Очень! Своей страстностью, добросовестностью, исключительным чувством ответственности он заражал всех нас. Мы учились у него.

О нем можно много рассказывать. Юра — открытая душа, без хитростей, без подвоха. Он весь на виду...

Но вот об одном я, пожалуй, сказать не могу. Не смогу объяснить, как он успевал переделать уйму дел, которые постоянно сваливались на его плечи. Депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ, президент общества «СССР — Куба», представитель многих комиссий... Он находил время и на встречи с писателями и учеными, бывал у пионеров и воинов: он очень много ездил по стране и часто выезжал за рубеж...

Но все это — лишь часть его дел. Подготовка к полетам, тренировки экипажей, совещание в конструкторском бюро, посещение заводов, учеба. Да разве перечислишь все, с чем он был связан!

А дом? Семья?.. Нет, он не зря прожил свои тридцать четыре весны. И

словами не передать всего богатства и красоты души этого человека.

*Алексей Леонов, летчик-космонавт, дважды Герой Советского
Союза*